

НЕ ИССОХНУТ СТИХИ...

* * *

В каком-нибудь Торжке, домишко проезжая
Приземистый, с окном светящимся (чужая
Жизнь кажется и впрямь загадочней своей),
Подумаю: была бы жизнь дана другая –
Жил здесь бы, тише всех, разумней и скромней.

Не знаю, с кем бы жил, что делал бы, – неважно.
Сидел бы за столом, листва шумела б влажно,
Машина, осветив окраинный квартал,
Промчалась бы, а я в Клину бы жил отважно
И смыслом, может быть, счастливым обладал.

В каком-нибудь Клину, как на другой планете.
И если б в руки мне стихи попались эти,
Боюсь, хотел бы их понять я – и не мог:
Как тихи вечера, как чудно жить на свете!
Обиделся бы я за Клин или Торжок.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

В детстве мечталось о славе Шопена,
Шуберта, Шумана – смерть неизбежна –
Биографических, послевоенных
Серия книг вспоминается нежно:
Вместе с учебником в школьном портфеле –
Страстный порыв и подруга-тревога.
А умереть в двадцать семь, – неужели
Это печально, – ведь это так много!

Что-то по радио в слух залетало:
Скажем, мазурка; допустим, баллада.
Главное, радости было им мало,
Им еще слез и отчаянья надо.
С разумом – прочь, с назиданьем – отстаньте,
Разве весна помещается в смету?
Можно сказать, я великий романтик
Был вместе с ними – таких больше нету!

2.

Раньше обедали под «Баркаролу»
Шуберта или его «Серенаду»,
Нынче спустились в начальную школу,
Переметнулись к слоновьему стаду.

На человечество в этом забеге
Я б не поставил, одышливо-длинном,
Лучше к стрижам присмотрюсь на ночлеге,
В небе снующим, и к гнездам осиным.

Как одинок композитор, кому он
Нужен сегодня, под грохот там-тама?
Шуберт, прощай! До свидания, Шуман!
Нас удивит и простейшая гамма.

Шел я вчера мимо окон открытых:
Кто-то с запинкой с великим поляком
Вел разговор о мечтах и обидах,
Робко и тихо, — я чуть не заплакал.

* * *

Представляешь, каким бы поэтом —
Достоевский мог быть? Повезло
Нам — и думать боюсь я об этом,
Как во все бы пределы мело!

Как цыганка б его целовала
Или, целясь в костлявый висок,
Револьвером ему угрожала.
Эпигоном бы выглядел Блок!

Вот уж точно измышленный город
В гиблой дымке растаял сплошной
Или молнией был бы расколот
Так, чтоб рана прошла по Сенной.

Как кленовый валился б, разлапист,
Лист, внушая прохожему страх.
Представляешь трехстопный анапест
В его сцепленных жестких руках!

Как евреи, поляки и немцы
Были б в угол метлой сметены,
Православные пели б младенцы,
Навевая нездешние сны.

И в какую бы схватку вязалась
Совесьть — с будничной жизнью людей.
Революция б нам показалась
Ерундой по сравнению с ней.

До свидания, книжная полка,
Ни лесов, ни полей, ни лугов,
От России осталась бы только
Эта страшная книга стихов!

* * *

Мне рассказали про клуб
Самоубийц: собираются,
Пьют; сам себе лесоруб
Каждый – и тем развлекаются;
Выпадет жребий: смешно.
Ты принужден в этом месяце
Выброситься в окно
Или на люстре повеситься.

Я отвечаю: Ну, нет.
И вспоминаю приятеля.
Он вынимал пистолет
И превращался в мечтателя:
Мало ли что, – говорил,
Глядя в лицо неизвестному.
А умирал – позабыл
К средству прибегнуть железному.

ОТНОШЕНИЕ К ВЕЩАМ

Вот сволочь! – это мы застежке говорим.
У, гадина! – в сердцах, ударившись об угол, –
Дубовому столу. Увы, обидно им,
Мы деспоты для них и что-то вроде пугал.

Я в жизни никому б не мог того сказать,
Что я кричу шнуруку порвавшемуся... это
Позволили словцо поэту записать
Одною буквой «б» в стихах шершавых где-то.

Какой у нас всю жизнь с вещами разговор
Сурово-деловой, отрывистый и грубый!
Как робок их отпор, как кроток их укор,
Как сдержанны чехлы, как вышколены шубы!

* * *

Счастье было огромно, как горы,
Заходившие молча в купе
И с другой стороны – в коридоры,
С ветерком, как на узкой тропе,
Раздувая вагонные шторы,
Замедляя шаги при ходьбе.

Счастье было плечисто, кустисто
И кремнисто-слоисто, на нем
Снег лежал, как кусочек батиста,
И не таял под южным огнем.

Счастье было поддержано теми,
Кто его в прошлом веке для нас,
В прозе славил и ссыльной поэме,
Счастьем было названье Кавказ.

Счастье было отвесно, полого,
Как в ушко, устремлялось в туннель
И сквозь мрак, счастья было так много,
И на полку кидалось в постель.

Заходило то с фланга, то с тыла
И любви нашей было под стать,
Загражденья расставив, перила,
Их снести угрожало опять.
Счастье было; что было – то было!
Всё пройдет, а его – не отнять.

* * *

Уходящий из жизни затмение мира склонен
Предрекать. Апокалипсис – вот что ему по нраву.
Раньше он так не думал, пока еще не был болен
И преследовал цель, то есть женщину или славу.

А теперь ему знаки упадка, черты ущерба,
Роковые приметы крушения интересны.
Если, скажем, филолог он, то Потехня и Щерба
Раньше были милы ему, нынче скучны и пресны.

Скажем, пихта у Гейне – немецкое Fichtenbaum –
Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом,
Что теперь безразлично ему – опустил шлагбаум
И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым

Грезит: вот и леса вырубают, и, Бог свидетель,
Погибают моря, упрощается речь и реки
Обмелели... Космический холод... А как же дети?
А нежившие как? Он не знает, смыкает веки.

.....

Я надеюсь, что это ошибка, самовнушенье:
Не иссохнут стихи, не сгниют вековые корни.
И когда я начну проповедовать разрушенье,
Катастрофу предсказывать мира, меня одерни!